

ПИСЬКОХУДОЖНИК

Екатерина Гейзерих

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Гейзерих Писькохудожник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69005110

SelfPub; 2023

Аннотация

Художник мечтал стать известным, но никто не покупает его работы. После измены жены он уходит в заброшенный дом и рисует письку на стене в знак протеста. Но вот беда – его писька становится известной на весь мир. И художник никак не может доказать, что это он нарисовал письку.

Екатерина Гейзерих

Писькохудожник

Отсчитывая в грязную чашку крупинки растворимого кофе, он думал о молодости. Годы шли. Жизнь лучше не стала.

По нему было явственно видно, что закончил академию художеств. Ходил все пять курсов в широкополом пальто, предпочитал обнаженных женщин и Джеймса Эббота Мак-Нейла Уистлера, ибо мог произнести его имя на студенческих попойках в мольберт пьяным. Он ждал, что его картины купят за приличные деньги. У других же покупали, причем уже на первом курсе. Он видел, как его коллеги по цеху выставляли фото с заказами в социальные сети. Они хвастались. На деньги с их картин можно было жить месяц. Одна картина – его зарплата. Но он не продавался. Не нравился людям. Он перепробовал всё – от пейзажей до ненавистных портретов в генеральских мундирах. Продавались даже размытые балерины или круглорылые мещанские коты. Продавалось всё. Но не он. Он работал в офисе.

Он стоял перед холодильником в трусах и драном халате. Трусы купила жена. Ужасные, но удобные. Как и он сам. В упаковке три пары. С ананасами, полосатые и эти. «Этими» художник называл трусы с мопсами. Мопсы изображались в канонах эллинистического искусства – с животиком и без лап. Жена умилялась трусам, поэтому у них с художником

давно не было секса. Он носил драный халат, чтобы контролировать мужественность и не давать жене повода. И трусы. Трусы он носил, чтобы надежда у жены всё же была.

Бесцельное стояние перед открытым холодильником – признак несчастного человека. Либо ему некуда идти, либо дел столько, что улучшаешь минуту отдохнуть, разглядывая пустые полки. На холодильнике висела фотография гор. Но не из поездок. Он вырезал мечту из журналов. Он мечтал надеть дешёвые кроссовки, такие, чтобы развалились и натирали после первого подъема, и идти, бесконечно идти без имени и цели, куда глядят глаза. Не думать о еде и сне, чтобы жизнь схлопнулась в один день. Чтобы не было ничего, кроме гор, а в душе его разрушались горы. Горы из мусора и ненависти к себе. Горы сожалений, разлук и ссор.

Жена хотела на море, а он послушно копил. Горы ждали на дверце холодильника. Сгнившая луковица уныла упала на художника беспощадной гнилью, подпирая склизким боком пустой пакет из доставки. Художник взял с полки взял Пискаревское 2,5%. Понюхал. Посмотрел срок гордости. Вернул на место. Хлопнул дверью громко, чтобы жена услышала. Ответ не случился. Единственное, что он требовал – свежее молоко дома. Художник любил молоко. Жена не покупала молоко. Давно.

Он курил. Курил на балконе, безразлично запивая сигареты чёрным кофе. Во дворе играли дети. Мальчик с огненными волосами кричал на друга, весь красный под цвет во-

лос. Обернулся и увидел художника в окне. Смотрел прямо в глаза, ровно. Пацану нечего терять, кроме будущего. «Отвянь», – подумал художник, но мальчишка ещё и помахал ему. Художник спрятал глаза. Дети...

Униформа. Рубашка наспех. Нелюбимая, несобранная, неглаженная. Кто стирает кандалы? Галстук. Туфли. Джинсы? Нет. Татуировки? Нет. Цветные волосы? Мы же не какая-то там компания... Какая-то. Мы большая компания, в нас нет «я». Мы – безликая семья. Художник схватил бейдж со стола, надев наизнанку – но кому сдалось его имя? Схватил и сбежал из квартиры. Напоследок он крикнул в открытую дверь спальни:

КУПИ МОЛОКА ПРОКИСЛО

Ступни с ярко-розовым педикюром лежали в презренной апатии. Такого же цвета был циферблат над проходной в офисе. Блестящие золотые буквы в окантовке GRAND MEDIA HOLDING PRODUCTIONS LTD и отвратительный, неоновый, цепляющий за душу и заставляющий нервничать до коллик, ведь нужно всегда торопиться сделать больше, быстрее, выше, сильнее и лучше, но не перегнуть в таланте и старании начальника, яркий до рези в глаз циферблат с отсчетом, сколько осталось до вашего опоздания, граждане товарищи члены семьи без социального пакета. Оставалось 5 минут.

Он пах кислой капустой после автобуса, где рядом с ним толкалась бабка с двумя пакетами невнятной еды. Цифры го-

рели розовым пламенем. Почему не красным? Красный – самый влиятельный цвет. Время имеет огромное значение в конторе на несколько тысяч человек. Если ты опоздаешь, машина перестает работать. Именно так считал его начальник, отсчитывая крупницы секунд, как растворимый кофе в грязную чашку. Кофе коричневый. Цвет получается, если смешать красный и зеленый. Зеленый? Почему бы не сделать цифры зеленым? Оставалось 4 минуты до выговора, но ведь у художника ещё было время. Ещё немного...

Неумеха в очках впереди выронил папку. Документы взвились птицами над толпой, но уже через секунды их затоптали ногами – огромная очередь перед турникетами торопилась в офисный муравейник. Ботан наклонился, чтобы подобрать. Работники топтали руки каблуками. 3 минуты до момента, когда у начальника появится законное основание выпустить на художнике пар. 2 минуты 59 секунд... 2 минуты 58 секунд... Художник начал подбирать бумажки вместе с очкариком.

– То ещё утречко, да?, – подбодрил он нового знакомого.

– Верно..., – ботан был удивлен доброте незнакомца. Никто никогда не обращал на него внимания. А ведь он всегда был рядом.

1 минута до звонка... Толпа толкалась, вертелась. Крики. Давка. Крысиные бега. 56 секунд... Коллеги ломались сквозь турникеты и охрану, прикладывая пропуска, будто отбивали чечетку, чтобы уже на этаже, приведя в порядок при-

чески и галстук, мирно собраться у кулера, по-христиански простив давку у турникета и подставив щеку тем, кто имеет право на доминирование в рамках офисной иерархии. Парень схватил папку и накрыл голову, чтобы его нечаянно не ударили локтем. Художник зажмурил глаза. Ещё немного – и можно будет дышать. 10 секунд... 9 секунд... 8... 7...

Неумеха исчез. Охранник, сочувственно кивающий им головой, тоже. Бумаги, цифры, золотые буквы LTD бесконечно падали вместе с художником, пока не приземлились в его рабочее кресло под оглушительный звонок. Опоздал.

– Пять минут! Пять минут каждый день это тридцать часов за год! За тридцать часов в год ты мог бы стать таким, как я, но нет, ты, ленивое ничтожное создание, которое никогда не...

Художник играл карандашом. Пустой лист бумаги на столе. Крики начальника доносились из трубки, будто сквозь воду. Он поднес трубку к уху. Крик стал громче.

– ... если я тебя уволю, ты НИКОГДА не получишь больше работу! Ни в городе, ни в стране, да во всём мире НИ ОДНА КОМПАНИЯ не возьмет на работу такую бездарщину с таким идиотским ИМЕНЕМ, как у тебя, ты БОЛЬШЕ НЕ сможешь...

Он положил трубку на стол и продолжил играть с карандашом. Руки сами собой потянулись к белому листу. Писька. Художник захотел нарисовать член на весь лист, ведь ему платили за то, что он рисует, верно?

– Я ТЕБЕ ЗА ЧТО ПЛАЧУ?!, – ширинка начальника выросла прямо перед его лицом. Художник поднял глаза. Багрово-пунцово-сжиженное лицо руководителя с брылями по бокам (и даже на шее) нависло над ним, как в фильме The Wall легендарной группы. Художник запомнил, что у начальника тонкие неказистые ножки с коленями, повернутыми в другую сторону. Как у лошади. Надо будет нарисовать после... Начальник сорвал со стола лист с письмой и хлопнул стопкой бумаг об пустое место.

– Ты что, полдня провёл за рисованием члена?, – кричал начальник.

– Нет. Я слушал вас.

– Уже обед! Где логотип?!

– Какой логотип?, – художник потер переносицу. Он и правда не помнил, что за логотип он должен был нарисовать.

– Хлебобулочной пекарни! Мы вчера обсуждали, что к сегодняшнему...

– Пекарня и так хлебобулочная, можно не...

ГДЕ ЛОГОТИП

Я НЕ ЗНАЮ

– До конца рабочего дня, – босс постучал сухим и костлявым пальцем по стопке распечатанных бумаг. Почти мгновенно за ним захлопнулась дверь. Художник взял в руки стопку и понял, что начальник распечатал для него тестовое задание, что он видит впервые.

«Неужели нельзя было отправить по почте», – проворчал

он. Встал с кресла, надел куртку и пошел обедать в столовую. Пусть оно как-то само. Через секунду он упал на кровать без сил. Рядом лежало женское тело в неоновых стрингах цвета #CEFF1D электрик лайм Крайола, но лица он не видел, только холёную спину. Он впервые за долгое время посмотрел на неё оценивающе. Она демонстративно спала. Художник приспустил трусы и стал мастурбировать. Он знал, что она слышала, и знал, что она ненавидела это. В холодильнике кисло Пискарёвское 2,5%.

Ложка с кофе звенела о чашку. «Бом-м-м», – играла ложка, как тибетская чаша, на его нервах. Художник открыл холодильник. Он достал оттуда бутылку шампанского. Понюхал. Дешевое. Вряд ли купила жена. Он отпил из бутылки, но закашлялся – в брюте плавали вчерашние окурки. Вернул бутылку на место. Место рядом с прокисшим молоком. Рыжий пацан вновь обернулся, когда художник курил на балконе. Помахал рукой. Художник спрятал глаза и потушил сигарету. Униформа, бейдж. Кислый пакет молока в раковине, чтобы увидела. Ключи. Коридор. Крик в спальню.

МОЛОКО Б**!**

Он хлопнул дверью так, что петля отвалилась. В гранёный стакан с молоком упала куриная кость, окропив алый поднос.

– Вот м****, – рывкнул один из офисных, когда проходил мимо очкарика. В парня полетела ещё одна куриная кость. За соседним столиком сидели, осклабившись, коллеги из его

отдела.

К ним подошел художник. Нагнулся, уставившись на того, кто кинул кость. Парень с рябым лицом сразу поутих. Художника считали странным, но побаивались из-за роста и молчания. Люди, что молчат, сильнее тех, кто много болтает. Художник молчал.

– Чего тебе?, – не выдержал рябой. Художник взял стакан молока с его подноса и вылил на обидчика. Затем облизал кромку стакана. Поставил на поднос. Офисные гоготали. Он пошел к ботану и сел рядом.

– Как тебя зовут?, – хмуро спросил художник.

– Доппи!, – восхищению не было предела, – А тебя?

– Эй, козёл! Слышал, твоему начальнику зарплату повысили за новый проект?, – рябой прожевал вылитое молоко и был готов к новой порции. Художник не ответил.

– За логотип вчерашний, который он умудрился за день нарисовать, – не унимался рябой, – Да только дерьмо этот логотип. Моя дочь может лучше.

– Почему бы тогда твоей дочери не поработать его шлюхой вместо меня?, – художник не смотрел в их сторону. Но он знал, что рябой вскочил с места, чтобы хорошенько вдарить обидчику, а коллеги держали за руки.

Звонок. Конец обеденного перерыва. Рябой с соседями убрали грязные подносы и понесли их к выходу. Доппи тяжело дышал. Он боялся конфликтов, как огня, и никогда не подступал к черте так близко. Он смотрел прямо в пропасть,

а из бездны поднимались языки пламени, оставляя невидимые оплеухи и побои на горящих ушах. Доппи перевел глаза с офисных на художника.

– У тебя соус капает, – буркнул художник. Он почти не притронулся к пище, лишь ломал хлеб на части.

– Знаешь... Когда ложусь сп-п-пать, я мечтаю быть успешным и популярным, но не как они. И не знаю, н-н-нужно ли обязательно быть такими, чтобы..., – Доппи замолчал, чтобы подобрать слова.

– Чтобы получить повышение?, – усмехнулся художник.

– Да!, – кивнул Доппи, – Ты разве не хочешь?

– Я мечтаю уйти в горы и не вернуться, – неожиданно даже для себя выпалил художник. Его глаза загорелись цветом #FF9218 последний вздох Жако.

– Навсегда?, – к удивлению художника, Доппи не воспринял идею побега, как нечто предосудительное или даже странное. Доппи смотрел сочувственно. Но не так, как наблюдают за сумасшедшим, нет. Доппи понимал. Просто ему и на мечты не хватало смелости.

– Навсегда, – с облегчением выдохнул художник.

– А жена?

Художник уронил взгляд на след на пальце. Чёртов след не исчезал, хоть художник давно перестал носить кольцо. Он убрал руку под стол. Какое-то время время они ели в молчании, наслаждаясь опозданием. Было между Доппи и художником что-то общее. Бунтарское. Злое. Но злое не ко всему

вокруг, нет. Только злое к тому, что задевало их размеренную жизнь выживальщиков. Готовность отстаивать с трудом собранную мусорную кучу. Экосистему вынужденной жизни в мире, где их никто не понимал. Художник встал и забрал поднос с собой. Доппи засуетился следом, не доедая. У лифта они кивнули друг другу и разошлись.

Художник шёл по пустынной улице при свете фонарей. В лужах рыбьим жиром разливался их болезненный свет. В лужах же отражался пёс, что прицепился к художнику несколько кварталов назад. Псу были рады. Художник достал из кармана мятую булку. Бросил псу. Черно-белый дворняга, будто облитый чернилами. Краска попала на уши, краплённый нос, лапы. Отличный пёс, он заслужил угощение. Пёс это знал и съел булку без «спасибо».

Художник зашел во двор. Он безошибочно вычислил свой балкон, чтобы проверить свет. Спит ли жена? Свет горел. В свете темнели две фигуры – знакомая женская и незнакомая мужская. Высок. Крепко сложен. У художника не было шансов. Ему ничего не оставалось, кроме как докурить.

– Ваша собака?, – рядом вырос рыжий пацан. Он бесхитростно пялился на странников во все глаза. Молодость.

– Мой, – и глазом не соврал художник.

– А мне мама собаку не разрешает завести.

Художник в ответ закурил и улыбнулся. К мальчишке уже подбежал пёс, чтобы получить заслуженную ласку. Чёрное ухо трепалось от души.

– Чей будешь?, – спросил художник.

– А ничей.

– И не мамин?

– Не мамин, – вскинул голову рыжий с нескрываемой гордостью, – А отца я ни разу не видел.

– Не бывает такого, что ничей. Каждый кому-то принадлежит.

– А ты разве чей-то?

Он не ответил, но посмотрел в сторону балкона. Рыжий тоже взглянул туда. Теперь их было двое, кто знает.

– Люди не должны принадлежать кому-то, – грустно отметил рыжий, – Это неправильно.

Художник потрепал пацана по рыжей голове.

– Присмотришь за псом?

– А ты куда?, – рыжий удивился. Но холку пса сжал покрепче.

– Увидимся.

Он натянул воротник пальто повыше и пошел подальше от дома. Мальчик некоторое время стоял, провожая его взглядом, но затем освистнул пса и вернулся к делам на детской площадке. Художник был уверен, что всё у них будет хорошо. И у него тоже. Ведь рыжий был прав – люди не должны никому принадлежать.

Бзззззз. Бзззз. На бетонном полу вибрировал телефон среди кучи кирпичей, осколков стекла и ветоши. Художник открыл глаза. От дряного старого матраса воняло. «Нужно ку-

пить ортопедический», – подумал он и перевернулся на другой бок. Перед ним высилась белая стена заброшенного дома. «Нужно будет нарисовать что-нибудь», – подумал он и окончательно проснулся. Ведь теперь он может рисовать что угодно! Художник перевернулся обратно и наткнулся на пса.

– И ты тут! Чего за парнем не пошел?

Пёс лежал рядом на матрасе. Он поднял умные глаза и сухо гавкнул. Спорить с ним художник не стал. Телефон. 67 пропущенных звонков. Жена, начальник, мама... А, к чёрту. Он достал из рюкзака консервную банку и немного орешков. Забыл приборы. Открыл ключом. Отдал банку псу. Сам же взял несколько орехов в рот, но тут же выплюнул. Сегодня не тот день. Не день сухой еды. Не день турникетов. Не день циферблата. Не день бесполезной и тусклой жены. Не день кислой капусты в автобусе. И не день ширинки начальника. А главное – сегодня не день просроченного молока. Художник вскочил и раскинул руки, как огромный белый аист в грязном пальто. Он открыл рот и закричал. Он кричал долго. Долго-долго кричал, пока не сорвал легкие. А потом снова. От всей души. Но никто ему не ответил. И он мог кричать столько, сколько хотел. Пёс настороженно смотрел на художника, но понимал. Какое великолепное утро!

– Ну идём, – наконец сказал художник псу, – Нас ждёт свобода!

Они стояли в очереди за кофе. Ласково светило солнце, и художник чувствовал, как солнце ласкает его щетину и бро-

ви. Солнце ласкало и пса, отчего его бок потеплел. Люди в очереди принюхивались к художнику, но пах он или нет, ему было все равно. Он был самым богатым человеком на свете. Он владел миром. Он владел временем.

– Здравствуйте... Эм..., – как же давно он не покупал зерновой кофе, чёрт, чёрт, нужно выбрать хоть что-нибудь, – Кофе с молоком?

– Молоко горячее, холодное?, – лицо бариста не изменилось. Художник очень нуждался в поддержке, а вместо получил новый вопрос, что лишь усугубило его потерянность. Но вдруг его озарило. Он знал, как переиграть бариста и всю очередь.

– Слушайте, а вы можете продать пакет молока? В смысле... Целый пакет?, – для верности художник показал руками, что ему нужен пакет.

– Дополнительное молоко стоит пятьдесят рублей за пятьдесят миллилитров. Литр обойдётся в тысячу рублей.

– Да, да... Я не могу больше ждать!

Нервно озираясь, художник сорвал пакет и стаканчик кофе с прилавка, а затем сбежал из очереди. Бариста некоторое время провожал странного покупателя взглядом, но вернулся к заказам.

Художник шёл по улице с пакетом молока. Кофе уже был не нужен. Художник заметил скамейку, белоснежную в лучах солнца, как свежее молоко из под коровы. Но до коровы он не готов был жить. Он дождался до пакета. Он прыгнул на

скамейку. Не убирая кофе, отгрыз уголок у пакета и налил в стакан молоко. По пакету текли капли, лаская морду коровы на этикетке. Она смотрела ему в душу. Она почти украла у него молоко. Он приложился к отгрызенной дырке. Этот вкус... Он пил залпом, а по его щекам текла жидкость, теряясь в бороздах счастливой улыбки. Затем художник потянулся и расслабился на скамейке. Кофе полетел в урну. Кофе был не нужен.

Он покупал шампанское и икру, дорогой зеленый сыр и закуски, ёлочные гирлянды в отделе «Всё для праздника» и целый хамон. Он знал, что жена знает, где он и что делает, потому что у неё был доступ к банковскому приложению. Он взял книгу «Секреты счастливой жены» и положил её в корзину, затем презервативов несколько пачек. В электронике нашел батарейки, сразу вставил в гирлянду и включил, обмотав её вокруг шеи. На кассе на него нервно смотрели, а покупки пробивали, держась рукой за аварийную кнопку. Охранник смотрел на художника в упор. Тот, как дурак, улыбался. Как только он оплатил покупку, а вокруг вздохнули с облегчением, он достал из пакета книгу и выбросил в корзину. Затем прыгнул к охраннику и поцеловал в щеку.

– С праздником, брат!, – звенел художник весенней каплейю.

– Алкоголик..., – отмахнулся охранник.

Художник был абсолютно трезв. Но лишь до тех пор, пока не привез в тележке из супермаркета несколько бутылок

шампанского в берлогу. Там уже ждали подобранные с по-мойки мебель – стол, стул, торшер. И новый матрас, благо в доставке можно было заказать не на адрес, а просто поставить точку. Весь вечер, распивая шампанское и щедро окропляя им пол, художник украшал жилище. Заправлял постель батистовым бельем. Цвета слоновой кости, как он всегда мечтал. Лампа не подключалась, но ничего. НИЧЕГО. И электричество проведём, кивал сам себе художник, и водопровод. Весь дом – мой, думал художник. Он отошел на два шага, чтобы обозреть собственноручно созданный уют. Во все стены светили елочные гирлянды – красным #FF0000, синим #0000FF и зеленым #008000. Уют, да. Но чего-то не хватало.

Уголь с грязного пола. Белая стена. Он рисует. Он рисует впервые за долгое время что-то для себя без оглядки на заказчика или зрителя. Стену в заброшенном доме никто и никогда не увидит. Стена в заброшенном доме – это его душа, где спокойно и тепло. Где искусство. Где вершина его карьеры. Где всё, что он хотел сказать долгие годы. В творческом экстазе он вёл уголь по стене, отпивая из бутылки шампанское. В свете огня шаманически светилось лицо. Он закончил и сделал шаг назад, чтобы увидеть свежие линии. Затем он кричал. Кричал долго, срывая легкие. Так кричали дикари много тысячелетий назад, когда рисовали мамонтов на стенах. Затем он танцевал под песню Nick Cave and the Bad seeds «Opium tea». Затем он спал. Никогда ещё он не был

таким счастливым.

Сквозь сон он видел, как два подростка подошли к нему с телефоном. Тыкали смартфоном за две зарплаты ему в лицо. Что-то обсмеивали между собой. Художник бездыханно лежал, открыв один глаз и ловя зрачком красный, синий и зелёный свет гирлянд. Один из парней подошел слишком близко, сел на корточки и направил камеру на себя и художника.

– А вот и бомж. Он нарисовал это, – показал пальцем блогер на стену. Художник резко поднялся на локтях и схватил парня за руку.

– Бомж напал на меня!, – заорал подросток с цветными волосами. Он резко вскочил, уронив телефон, и побежал к другу. Тот собирал их вещи.

– Чо не снял?, – заорал друг на блогера.

– Го, го, го! Жизнь дороже, хер с ним, с телефоном!

Их и ветром сдуло. Художник усмехнулся. «Вот же заняться нечем, кроме как в ТикТоках бродяг снимать». Но слово «бомж» кольнуло в груди. Как же можно быть без определенного места жительства, если вот он – вполне определенный ортопедический матрас, лампа, уют и даже искусство на стене? Кто же на неопределенном месте рисует искусство? Он заснул.

Спустя неделю он шёл по улице после душа, что обнаружил за вполне приемлемые деньги в местном хостеле. Художник нёс пакет свежего Пискаревского 2,5% и был вполне доволен жизнью. Ничего не делал. Только пил молоко, затем

шампанское. Кормил собаку. Смотрел в окно без окна. Дышал. Он шёл по улице и наслаждался солнцем на щеках, как вдруг взгляд его упал на грудь проходящей мимо девушки. Не то что бы он истосковался по женщинам, но на её груди было его искусство. Его искусство в заброшенном доме, как его душа, что он нарисовал для себя. На белой футболке прохожей красовался примитивно нарисованный мужской половой орган. В общем-то, член. Фаллос. Писька.

– Это моя писька!, – заорал художник и подбежал к девушке. Он схватил её за плечи, – Ты знаешь, кто это нарисовал? Это я нарисовал. Я, понимаешь? Это я нарисовал, я!

Она взвизгнула и убежала. Вот так просто, даже не спросив, как его зовут. Но как же так... Она надела футболку с его рисунком, а затем так просто взяла и убежала. Даже не спросив, как ему в голову пришла идея нарисовать письку. Долго ли он придумывал письку. Что он имел ввиду под писькой? Был ли в огромном фаллосе на стене заложен политический посыл или, быть может, его недовольство ситуацией с карбышами в Беларуси? Художник сплюнул на землю, оглянулся и пошел в сторону дома.

Трясущимися руками он никак не мог попасть в замок ключом. Его мышцы помнили, с каким напором нужно проворачивать чертов ключ. Но ничего не получалось. Едва только мысль о смене замка прокралась в его голову, как дверь открылась. На пороге стояла жена в безвкусном обтягивающем платье глициниевом цвета #C9A0DC. Её сухие

волосы топорщились в разные стороны. Каре. Женщины после расставания делают каре.

– О, звезда блудная, – глухо упали её слова на пол. Он не знал, что ей сказать. Он видел её первый раз после того, как подтвердились догадки об измене.

– Ты... Молоко купила?

Она закрыла дверь перед его носом. Он успел поставить ногу в дверь и сопротивлялся, но она победила. Дверь захлопнулась. Из-за двери слышалось «Катись, откуда вернулся».

– Настя, это я нарисовал письку!

Дверь открылась.

– От которой теперь продыху нет?, – недоверчиво спросила она.

– В смысле продыху нет?

– На каждом заборе эта писька. В телевидении ролик показывали с каким-то бомжом и писькой на стене. В ТикТоке миллионы просмотров. Ты про эту письку?

– Это я – бомж!, – с лицом идиота выдохнул художник.

– Лучше и не скажешь!, – хохотнула жена, – Наконец-то ты нашел себя.

Дверь захлопнулась. Он постоял немного, потому что знал, что она там и смотрит в глазок. Но она не вернулась. Тогда он пошел вниз. Дверь открылась. В спину ему прилетел пакет молока. Белое пятно стекало по его пальто и сочилось с грязной лестницы вниз. В молоке не было комочков.

«Вроде свежее», – подумал художник и улыбнулся. Жизнь налаживалась. Пора проведать работу.

Первый раз он видел турникеты днём. Художник вынул пропуск из кармана и приложил его к металлическому кругу, но пропуск не работал. Охранник флегматично наблюдал за художником, пока тот наиграется с пропуском. Наконец, заговорил.

– Вы в Dick production?

– В медиа груп что-то там.

– Ну да, они теперь Dick production.

– Дик по-английски это же..., – начал догадываться художник.

– Писька, – кивнул охранник и показал на логотип на стене, такой же, как нарисованная писька художника. За турникетами вырос начальник. Он источал ладан и сочился маслом благодушия. Святой человек.

– А вот и он, наш герой!, – воскликнул начальник, обнял художника за плечи и повёл его к выходу, – Ну пойдём, ты, наверное, проголодался там, на улице? Твоя жена звонила, сказала, ты сбежал и не собираешься возвращаться. Я говорю ей: «Милая, подавайте в розыск», а она посмеялась, такая душевная женщина. Я было хотел зайти к ней в гости, ну знаешь, поддержать вдову, всё-таки ты у нас не первый год работаешь, а потом как бомбануло с этим... Ну с этой...

– Писькой, да, – кивнул художник, – Это я нарисовал. И мне нужна работа.

С фальшивой улыбкой из рекламы стирального порошка начальник толкал художника в сторону ближайшего кафе. Художник устал сопротивляться и пошел сам. Охранник сочувственно проводил их взглядом.

– Не так уж она тебе и была нужна, раз ты променял нашу скромную конторку на офис А класса. А какие у тебя гирлянды, а шампанское. Прямо Новый год каждый день! Знаешь, ведь в тебе всегда было что-то богемное, неуловимое такое, оно меня дико бесило, но теперь я понимаю – самородок должен блистать, очищенный от песка, ибо никакую звезду не перекроет на ночном небе облако, пока она сама того не захочет, звезда эта, тем более звезда тики така, мы же с тобой понимаем, что...

– Тик тока, – поправил художник. Они уже сидели за столиком в кофейне. Слишком чистым столиком. В слишком модном кафе. Ему было неудобно и неприятно. Перед начальником появились ежедневник и ручка. Из тех дорогих ежедневников, которые, поди, ещё в Средневековье создавались, раз продаются по цене коровы. Художник взял ручку, открыл ежедневник и нарисовал письку. Начальник пока пропадал в очереди за кофе, но как только писька была создана, он возник рядом с 2 стаканами кофе.

– Я люблю с молоком, – заглянул художник в стакан. Начальник никак не отреагировал на его слова.

– Знаешь, всё стало так хорошо после твоего ухода. Но мы очень рады, что ты нашёл своё место, обрел успех. У каждого

свой Тулон, верно? Любишь Наполеона? Ох и великий был человек. «таков» всяких в те времена не существовало...

– Мне нужны деньги, – перебил начальника художник. Он понимал, к чему все идет.

– Да? Да... Да-да, сейчас.

Начальник порылся в карманах и положил перед художником тысячную купюру. Художник молча смотрел на неё. Тогда начальник вынул две пятитысячных. Художник не двигался. На купюрах появился купон с 5-ю штампами на 6-й кофе в подарок.

– Тебе хватит на первое время, а потом мы что-нибудь придумаем. Понимаешь, я простой смертный с зарплатой, я не стал известным на весь мир художником.

Начальник улыбался. Таким художник видел его на переговорах с заказчиками. Значит, дешевит безбожно.

– Как вы смогли получить письку?, – спросил художник, глядя прямо ему в глаза.

– Ты всё ещё работаешь на меня. Значит, всё, что ты нарисовал в рабочее время, принадлежит мне. Это прописано в условиях нашего контракта.

– И зачем она вам?

– Ну, история-то за сердце берет. Анархист-сотрудник, его увольняют, тот в гневе рисует члены и становится бомжом. Для некоторых крупных игроков рынка мы стали как символ борьбы за систему, а для клиентов – символом борьбы против системы.

Художник молчал и вертел в руках купюры. Начальник продолжил.

– Знаешь, сейчас никто работать не хочет. Никого не хочу обидеть. Я в свои годы работал день и ночь, грыз зубами гранит знаний, и вот я здесь, на своём месте. Если бы тебе хватило упорства, ты бы...

– Я нарисовал вам треклятый логотип до конца рабочего дня. Вы украли его и сказали, что он ваш. И получили повышение.

– У нас нет в компании понятия «мой» и «твой», всё, что мы делаем – общее.

– И письку мою украли.

– Ну, писька твоя общедоступная, тоже мне, достояние. Тем более ты больше у нас не работаешь, считай это компенсацией за все твои опоздания.

– Так работаю или не работаю?, – скривился художник. Начальник ничего не ответил, лишь улыбался отбеленными зубами. К кофе начальник так и не притронулся. Тогда художник взял стакан и выплеснул кофе начальнику в лицо.

– Я опоздал тогда, потому что помогал другу.

Он схватил мокрые деньги на столе. Начальник так и сидел с вымученной улыбкой, потому что запретил себе быть настоящим. В его понимании он общался не просто с бездарным сотрудником и тунеядцем – он противостоял бомжу-анархисту. Нужно было держать дистанцию с такими прохвостами – так считал руководитель, и был отчасти прав.

Художник напоследок обернулся в дверях.

– Я очень люблю еб*ное молоко.

Художник скрылся. Через время начальник взял салфетку, чтобы вытереть лицо и растереть кофе по розовой рубашке.

– Писькохудожник, – проворчал он себе под нос. Начальник считал, что выиграл битву.

Темнело. Художник пешком проделал до боли знакомый путь от работы до дома. На скамейке во дворе уже сидел Доппи. Он заметно волновался, ведь он ждал пропавшего друга. Художник подошел к скамейке, сел и закурил.

– Извини, что пропал. Были дела.

Доппи вьелся взглядом в его морщины и трещины рта. Он явно скучал, но из вежливости не задавал лишних вопросов. Доппи протянул художнику пакет Пискарёвского 2,5%. Затем достал пакет и для себя. Они одновременно открыли пакеты молока и отпили с таким наслаждением, будто хлебали холодное пиво в жару.

– В этом же дворе живёт девушка, с которой я в первый раз... Ну, ты понял. Лет десять с ней не виделась, – Доппи махнул пакетом молока куда-то на окна. У художника округлились глаза.

– Десять лет назад первый раз? Тебе ж без трёх лет сорокет!

Доппи не ответил.

– Почему?, – спросил художник.

– Отец. Ей тогда сессию нужно было сдавать. Ну и он сказал, что если я ещё раз появлюсь под окнами – пристрелит. До сих пор вижу её лицо во всех рыжих девушках. Думал, может если стану начальником, хоть позвоню ей.

– Ты сказал, рыжих?, – усмехнулся художник.

– Рыжих, – кивнул Доппи, – А что?

– Не надо начальником. Ты это... Цветы ей принеси.

– Цветы?

– Я когда-то тоже много работал и чего-то ждал. Просто принеси ей цветы.

Художник разглядывал свой балкон. На балконе маячили две фигуры – мужская и женская. Доппи тоже взглянул туда. Покачал головой.

– Может, тебе еды с собой дать?, – сменил Доппи тему, – У тебя деньги есть?

– Да я в ресторанах каждый день ем, – поклацал художник челюстью, как скелет.

– На, возьми. Я специально тебе принес, – Доппи протянул художнику шаверму.

– Спасибо, друг, – спустя время ответил художник с набитым ртом.

– Ты счастлив?

– Я не знаю, с чем сравнивать.

Допив молоко, Доппи встал, кивнул и ушёл.

– Не забудь про цветы, – вдогонку крикнул художник. Доппи помахал ему рукой и бесследно исчез. К художнику под-

бежал пёс.

– Ну что, пойдём. Будет трудная ночь, – потрепал художник пса по голове, затем отдал ему половину шавермы. И скрылся в ночи.

Спустя несколько часов он устало плюхнулся на матрас. Прямо под пискующей. Щеку перекрывала полоса краски графитно-чёрного цвета #1C1C1C. Он потёр предплечье. Холодно. Надо постараться заснуть. Художник накрылся пальто. Выпустил пар изо рта и закрыл глаза. Поёрзал немного. Замер. Его лицо мерцало синим светом в заброшенном доме без огней. Иней сковал бороду. Подбежал пёс. Пёс заскулил, лёг рядом с художником, поддел холодную человеческую руку носом и уткнулся человеку в грудь. Тьма.. Тишина.. Покой.. Пустота.....

ДЗЫНЬ! Звонок в дверь. Заспанное лицо жены высунулось из двери, и её тут же ослепили вспышки фотоаппарата. С ручки двери стекали капли краски. По дешевому кожзаму текли неоновые струи. За ночь графитно-чёрный превратился в цвет гусеницы #B2EC5D. Она вышла из-за двери в домашних тапках, неловко запахнув халат и уже не обращая внимания на папарацци. На двери был нарисован огромный разноцветный член.

БОМ! В пустующем ранее зале столпилась толпа, замороженно разглядывающая стену с часами. Даже охранник замер в священном трепете. Но его рация шуршала без остановки – нужно ответить.

– Да, доложил, – заорал охранник в рацию, – А что я сделать должен, по твоему?!

Сквозь толпу протискивался начальник. На свободном клочке земли, где он смог хотя бы дышать, начальник остановился и поднял глаза на часы.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёрт!, – закричал он, а лицо его вмиг налилось кровью. На часах был нарисован огромный член цвета звёзды в шоке #FF47CA. Поверх члена надпись – «Это моя писька». Начальник раздулся, как громадная сытая самка клеща, что вот-вот лопнет. Толпа аплодировала письке. Он закричал «Прекратите», но его никто не слушал.

Горы слепили белым цветом. Такого чистого белого цвета в реальной жизни художник не видел. Он вдохнул воздух полной грудью. Да. ДА, ЧЁРТ ВОЗЬМИ! Он не зря мечтал о горах. В свежей походной одежде, побритый, подтянутый, без синяков под глазами и со спокойным, уверенным взглядом он поднимался по горной тропе. Рядом пёс исследовал местность. Пёс копался в корнях, виляя хвостом.

– Алимпий!, – раздался голос Доппи. Художник обернулся.

– У тебя самое дурацкое имя на свете!

Художник зашелся в счастливом смехе. Он достал из кармана белый мелок и нарисовал на ближайшем камне письку.

– Если я не вернусь, найдешь меня по наскальной живописи.

– Хорошая получится история, – хохотнул Доппи в ответ, – Эдакого рыцаря писек, уставшего от лжи и офисной мясорубки. Точно не хочешь остаться в городе? Ты бы мог продавать картины... Да и как ты без молока?

– Не хочу. Я всю жизнь мечтал побывать в горах.

– Ну ладно. Тогда... До встречи?, – с надеждой спросил друг.

– Прощай, – улыбнулся художник. Он обернулся и стал подниматься в гору. За ним семенил пёс.

Через месяц в одну обычную с виду, ничем не примечательную, но давно знакомую и важную дверь раздался стук. Дверь открылась. На лестничной площадке стоял Доппи в двубортном костюме с цветами. Ряженный-суженый.

– Вам кого?, – недовольно спросил Рыжий. Мало ли какие мужики ходят с цветами в такое время суток.

– Я к Ольге. А ты кто?

Рыжий гордо выпятил грудь. На нём красовалась белая футболка с писькой.

– Я здесь начальник!

Доппи расплылся в улыбке.

– Тогда веди, начальник. Где твоя мама?

– Мама, к нам дядя пришел!, – закричал Рыжий. Из глубин вышла красивая уставшая женщина в розовом помятом халате. Она подошла к порогу и выглянула за дверь.

– Петя, но здесь нет никого...

Из двери подул ветер северных гор. Он пел о тёплом ко-

быльем молоке и волшебных духах, что помогали путникам не сбиться с пути. Где-то нарисовали ещё одну пискку.